

октября в 29 день». Послание султана цесарю Леопольду позднее попало в Записки Ивана Афанасьевича Желябужского, вклинившись там в повествование о взятии Петром I Азова в июле—августе 1696 г. Наряду с посланием в записках приводятся сообщения из присланных по почте печатных польских и немецких курантов. И. А. Желябужский указывает, что послание им «выписано в Государственном Посольском приказе» и представляет собой «список с листа, что списано с листа турецкого султана к цесарю Леопольду, каков писал султан турецкой».⁴

Следовательно, переписка султана с цесарем, а возможно, и все другие грамоты находились в бумагах Посольского приказа. То, что И. А. Желябужский, сам неоднократно участвовавший в 60-х годах в посольствах, включил послание султана в свои записки, свидетельствует об интересе к подобным произведениям в среде служащих Посольского приказа.

Все грамоты султана по содержанию, композиции и жанру настолько близки друг другу, что составляют единый цикл. То, что грамоты имеют даты (1637, 1663 и 1678 гг.), ничего не говорит о времени появления их текста. Даты дают только *terminus post qua* для рассматриваемых нами редакций. Имена королей Леопольда I и Яна III ведут нас ко времени не ранее 1658 г. для первого и 1674 г. для второго.⁵ В содержании грамот опорных пунктов для уточнения датировки нет.

А. Попову были известны все грамоты цикла по списку хронографа 1696 г., за исключением «листа к немецким владетелям и ко всем христианам». А. Попов называет их «подложными грамотами, вымышленными нашими книжниками, в глазах которых подобные произведения имели особый смысл и значение»,⁶ и считает, что грамоты эти, направленные против турок, отражают «исторически сложившийся на Руси взгляд на турок как на главных врагов христианства и самой Руси».⁷ Непосредственным же поводом их написания, по мнению А. Попова, является турецкая война, возникшая в конце царствования Алексея Михайловича. «Во время этой войны, следовательно в семидесятых или восьмидесятых годах XVII века, скорее всего могло придти на мысль русскому книжнику сочинить переписку с султаном от лица главных участников в борьбе с ним».⁸ Концепция А. Попова в основном правильна. Он понял общность грамот и верно представил себе историю их происхождения, охарактеризовал как литературный отклик на определенные политические события. Однако концепция А. Попова нуждается в некотором уточнении.

А. Попов имел список 1696 г., поэтому он так неуверенно говорит о 70—80-х годах как о времени написания грамот. Наличие списков более ранних, относящихся к 70-м годам XVII в., а также существование редакций, включающих даты, которых не было в хронографической редакции А. Попова,— все это позволяет считать, что грамоты появились ранее 80-х годов XVII в.

А. Попов исследовал грамоты, соединенные в одном списке хронографа, и полагал, по-видимому, что написаны они одновременно. Однако в число грамот, находящихся в хронографе, были включены Легендарная переписка

⁴ Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Петра Великого, изд. Ф. Туманским, ч. VII. СПб., 1787, стр. 161—163.

⁵ Годы царствования Леопольда I — 1658—1707, Яна III — 1674—1696.

⁶ А. Попов. 1) Обзор хронографов русской редакции, в. 2, М., 1869, стр. 227; 2) Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 448—458.

⁷ А. Попов. Обзор..., стр. 228.

⁸ Там же.